

Рита Митюшёва

ПРОСТО МОМЕНТЫ

ушло и на конное
Тамара Кичкина
мочки" - о веранде.
"Засла савровене
всёма. Как, только
пароходы, то 14
рашывае. Машин
дедем и на море,
напоход зовёт -
еди" - это нехорошо.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1
М67

М67 **Митюшёва М. Л.**
Просто моменты. – М.: Мибук, 2026. – 57 с.: ил.

В книге «Просто моменты» описываются отдельные эпизоды, относящиеся к первой четверти жизни автора. Дальнейшие события частично освещены в книге Валерия Митюшёва «Записки обыкновенного человека». Для родных и близких.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1

ОГЛАВЛЕНИЕ:

НОВОЧЕРКАССК. 1926 – 1935	5
Сила тока	
Шаровая молния	
Запах хлеба	
Игра в прятки	
Совет папе	
Ёлочная игрушка	
Тётя Дина готовится к экзаменам	
Приезд бабушки	
Дядя Федя	
У тёти Маруси, подарок Юры Козина	
Утром на крыльце	
Попытка вышивать	
РОСТОВ-НА-ДОНУ. Весна 1935 – март 1938	13
Улица Энгельса и проспект Ворошилова	
Школа и городской парк	
День рождения (10 лет)	
Терентьевы	
Скарлатина и коварная весна	
Мама и Крым	
Подарок маме	
ГЕЛЕНДЖИК, У ТЁТИ ДИНЫ. Лето 1935 – лето 1937	21
Первые два лета	
Третье лето	
РОСТОВ-НА-ДОНУ, ВТОРАЯ КОМНАТА. 1 апреля 1938	27
КАМЫШИН. 1938 – 1942	30
Пушкинская, 79	
Мамина работа	
Восьмой класс	
КУПРОС, ЭВАКУАЦИЯ. Сентябрь 1942 – лето 1944	38
МОСКВА, МЭИ. Лето 1944 – февраль 1950	41
Поступление в институт	
Лида Артёменкова	
ОЛЬШАНКА. Летние каникулы 1945 – 1949	44
СИМФЕРОПОЛЬ. Февраль 1950 – сентябрь 1951	46
Снежинки на перроне	
Сетевой район	
Получение жилья и приезд мамы	
Левчушки	
ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В ВОЛЖСКОМ. Декабрь 1987	50
ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ. 1926	56

НОВОЧЕРКАССК. 1926 – 1935

Сила тока – Шаровая молния – Запах хлеба – Игра в прятки – Совет папе – Ёлочная игрушка – Тётя Дина готовится к экзаменам – Приезд бабушки – Дядя Федя – У тёти Маруси, подарок Юры Козина – Утром на крыльце – Попытка вышивать – [Папу укусила собака]

Сила тока

Одно из ранних моих воспоминаний.

Стоит яркий день. Я хожу по комнате. Мне принадлежит всё пространство от пола до уровня крышки стола. Заглянуть на стол мне ещё не удаётся.

Подмечаю, что пол очень чистый – ни пылинок, ни крошек – даже скучный.

На столе что-то делает незнакомый мне человек, разговаривая сам с собой. Потом он наклоняется ко мне и, кладя под стол провод с цоколем для электрической лампочки на конце, обращаясь ко мне, говорит: «Не трогай это, не засовывай пальчик во-от сюда, а то тебя убьёт током, и ты умрёшь». И показывает, куда и как не надо засовывать пальчик.

После этого он ненадолго уходит, видимо включить напряжение и проверить, работает ли лампочка. Это был очень молодой парень.

За время его отсутствия я успеваю залезть под стол и сунуть пальчик именно туда, куда не разрешил дядя.

Мгновенно мощная, особая, неживая сила бескомпромиссно вышвырнула меня из-под стола. Ещё не осмыслив до конца произошедшее, я уползла в угол и стала ждать, когда же я теперь умру, как предупреждал дядя. Мне было чуть-чуть страшно, но ещё больше любопытно.

Пришёл монтер, ещё что-то сделал. Потом он ушёл, а я все сидела в углу и ждала.

Потом мне стало скучно и я занялась обычными своими делами.

Шаровая молния

Этот случай записался у меня в памяти фотографически. Случилось это в Новочеркасске, ещё на первой квартире, в двухэтажном деревянном доме, недалеко от базара. Было мне примерно два с половиной года.

Моя мама, я и моя подруга Кира (чуть постарше меня, её папа работал вместе с моим) – мы троём сидим у распахнутого окна.

Мы с Кирой – на диванчике, стоящем перпендикулярно к стене, с одной стороны окна. Мама – на стуле, стоящем у книжного шкафа (также перпендикулярно к

стене), с другой стороны. Она читает нам книжку. Между нами образовалось свободное пространство.

За окном бушует летняя гроза.

Неожиданно, беззвучно, без малейшего дуновения ветерка, в проёме окна появляется светящийся клубок, размером с яблоко, и начинает очень медленно, неуверенно, зигзагами, временами зависая на месте, как бы раздумывая, плыть между нами.

Его путь параллелен полу и пролегает на уровне моего носа на расстоянии десяти-пятнадцати сантиметров от него.

Когда этот сгусток энергии на мгновение зависает у моего носа, я успеваю его рассмотреть. Это клубок из разноцветных, светлых, но как бы светящихся и шевелящихся тонких нитей – зелёных, салатных, фиолетовых, голубых, жёлтых и розовых. Нити непрерывно шевелятся, переплетаются, но почти не выходят за границы клубка. Тепла я не ощущала. Страх тоже.

Немного повисев у моего носа, клубок стремительно, уже по прямой, влетел в печную трубу и там исчез.

Мама встала и закрыла окно.

Позже мы обнаружили, что у нас перегорела радио- и электропроводка и оплавилась печная заслонка.

Мне было тогда два с половиной года. Три года мне исполнилось уже на другой квартире, в каменном купеческом особняке. Там я впервые увидела, подержала в руке и от переполнившего меня чувства соприкосновения с прекрасным раздавила стеклянный серебряный ёлочный шарик. Это я помню тоже фотографически.

Запах хлеба

Дом был деревянный, двухэтажный, с длинным крытым крыльцом вдоль дома со стороны двора. Стоял на пригорке, видимо, на солнечном склоне. От калитки к крыльцу вела лестница, по которой жильцы заходили в свои комнаты.

Дом стоял очень близко к базару (на юге не говорили «рынок») на улице с тем же названием – «Базарная».

Это крыльцо было местом самостоятельных прогулок детей- малолеток, проживающих в этих комнатах.

В один из обычных дней я переступила порог своей комнаты и вышла на крыльцо. Навстречу шла девочка.

У подбородка она держала кружку, из которой часто и торопливо доставала рукой что-то и клала себе в рот. И так аппетитно она это делала, что я зачарованно остановилась.

Девочка подошла ближе, не обращая на меня внимания и продолжая своё дело с тем же азартом. И тут до меня донёлся аромат. Устоять было невозможно. Я робко попросила её дать мне немножко её еды.

В ответ девочка крепче прижала к груди свою кружку и отвернулась. В кружке был размоченный (скорее всего чёрствый) хлеб. Но как от него аппетитно пахло!

Это был насыщенный запах душистого южного, так называемого «серого», хлеба, вызвавший у меня непреодолимое желание сейчас же, сию минуту, отведать его.

Я побежала к маме и попросила «того же самого, что и у девочки». Но мама не поняла меня и, решив что я просто проголодалась, дала мне кусок белого хлеба с маслом. Но это было совсем не то, не то. Я очень огорчилась и не стала его есть.

Запах того хлеба я помню до сих пор.

«Хеба, мася и посипать»

В конце того периода был один семейный выезд на полевые топографические съёмки.

Работа предстояла без дальних разъездов, погода была отличная, село, где размещалась геодезическая партия, было богатое и хорошо знакомое. Так что родители взяли нас, малышей, с собой – подкормиться и побегать на воле.

«Малыши» – это я и мой постоянный друг Дима, мой ровесник.

Воспоминания остались не чёткие, но приятные: много пространства и полная свобода.

Мы бегали, рассматривали былинки-тычинки, летающих и ползающих, играли в прятки, прятались за кусты-бурьяны, а один раз я даже залезла в колодец, очень испугалась и еле выкарабкалась назад (на помощь звать боялась). Насколько вспоминаю сейчас, колодец был заброшен, неглубокий и воды в нём не было.

Но что стало самым ярким впечатлением – это изумительный вкус и огромные размеры ломтей хлеба с маслом, сверху слегка посыпанных сахарным песком.

Твёрдые сорта пшеницы в тех местах были отменные, хлеба и калачи пекли такие пышные, что на них можно было сесть взрослому человеку, встать и хлеб поднимался, как ни в чём не бывало. Мы, бегая и играя, на ходу уничтожали эти бутерброды со страшной скоростью, и тут же бежали к маме и дуэтом просили: «Хеба, мася и посипать».

Сначала нам она не отказывала. Однако потом стала предлагать нам что-нибудь другое, например, суп. Но это для нас было совсем не интересно.

И ещё долго потом, пока мы жили рядом с семьёй Димы, родители нас время от времени поддразнивали этим нашим «...и посипать».

Игра в прятки

Потом мы переехали на другую квартиру, в добротный бывший купеческий дом.

Это был двухэтажный дом из красного кирпича, с высоким цоколем и парадным крыльцом, с просторными комнатами и большими окнами.

Мы занимали две комнаты. Первая – очень большой и высокий зал, площадью метров пятьдесят, с четырьмя или пятью высокими окнами на одну сторону, видимо, северную, так как солнце никогда не заглядывало к нам (к тому же, дом стоял в низине). Белые ставни, складывавшиеся гармошкой, находились внутри комнаты. Когда я с мамой играла в прятки, то просила прятать меня на подоконник, за эти ставни, что вызывало у неё улыбку (тогда мне непонятную).

Наша мебель была такая. В середине стоял стол, у стены, общей с запроходной комнатой, стояла кровать для мамы и папы, а вдоль внутренней стены, напротив окон – моя, детская кроватка с сеткой. Слева от входной (из общего коридора) двери, стоял книжный шкаф, а справа – мраморный умывальник, совсем как в «Мойдодыре», а также табурет с ведром и ещё что-то хозяйственное.

Мебель была почти незаметна, комната казалась пустой. Чтобы согреться, мама с папой (иногда вовлекая и меня) бегали вокруг стола, как по беговой дорожке стадиона.

Совет папе

Как-то раз я дала очень правильный совет папе. Советом этим я горжусь до сих пор.

Однажды папа начал озабоченно ходить по комнате, о чём-то раздумывая, а потом, немного смущаясь, спросил меня: «Ты не знаешь, что лучше подарить маме на день рождения?»

Я без запинки ответила, что конечно знаю – отрез крепдешина на платье. А на дополнительный вопрос – какого цвета – так же уверенно ответила, что – зелёного, в тон глаз.

Как же я тогда угадала! Мама была очень довольна, быстро сшила на ручной швейной машинке нарядное платье и носила его пока оно не поблекло от стирок, а потом выкрасила ткань в чёрный цвет и донашивала уже как юбку.

Со своей швейной машинкой мама не расставалась никогда. Машинка проделала вместе с мамой весь её путь по жизни: Новочеркасск, Ростов, Камышин, эвакуация, снова Камышин, Ольшанка, Симферополь, Луховицы, Загорск, Москва. И нигде эта машинка не оставалась без дела. Всё время строчила – одевая, выручая, радуя.

Эта машинка ещё была у нас в квартире на бульваре Карбышева – и на ней, пришившись на табуреточке и будучи уже «бабой Таней», моя мама шила мне платья, папуле домашние рубашки, а потом – бесчисленные одежонки Ирочке и Павлику, а ещё позже – спортивное снаряжение им же для туристических походов

в студенческие годы, и, наконец, костюмы своей правнучке для выступлений на детских праздниках («Утята» и другие). Кусочки чёрного крепдешина (того самого) лежат где-то в квартире на улице Алабяна и сейчас.

А холодно в комнате в Новочеркасске было потому, что имелись большие трудности и с дровами, и с углём, и со средствами: на дворе стоял тридцать третий год.

В книжном шкафу стояла Большая Советская Энциклопедия и издание Брема.

Ёлочная игрушка

Из коридора на второй этаж вела лестница. Там, в небольшой, низенькой комнатке, сплошь заставленной вещами и коробками, жила женская часть семьи владельца дома (где находилась мужская часть, нетрудно догадаться).

Я запомнила двух взрослых дочек-старшекласниц. Одна из них, Тамара, доброжелательная и весёлая, как-то стала занимать меня разговорами, а потом спросила что-то о ёлочных игрушках. Видя, что я её просто не понимаю, она поднялась на цыпочки и из коробки со шкафа достала и показала мне что-то невозможное, просто не существующее в природе, что-то сверх-сверкающее. Я протянула руку и Тамара вложила в неё это сверх-сверкающее (ёлочный шарик). Я машинально стала крепко-крепко сжимать ладонь. И – дзинь! – раздавила это чудо.

Я замерла под тяжестью противоречивых чувств. Это был шок от столкновения с невозможной красотой, поразивший меня на долгие, долгие годы – смешанный с чувством вины.

Сейчас у меня на шкафу, тоже в картонной коробке, лежат ёлочные стеклянные шарики, и много. Но это уже другое.

Тётя Дина готовится к экзаменам

Вторая, запроходная, комната была площадью метров двадцать, угловая, светлая, но такая же холодная и без лучиков солнышка. В ней в то время жила «тётя Дина», младшая сестра мамы, студентка сельскохозяйственного института. Когда она готовилась к экзаменам, то сажала меня на колени – так нам обоим было теплее – и вместо сказок читала мне конспекты лекций по химии и другим предметам.

В эту же комнату принесли из роддома первую дочку тёти Дины и её мужа «дяди Мити» – Светочку.

Приезд дедушки

Один раз к нам приезжал мой дедушка (мамин папа) Алексей Иванович Козин – навестить своих дочек, Таню и Дину, а также и сына Александра. Который со своей женой Марией Николаевной (известной нам, как «тётя Маруся») жил и работал в это время тоже в Новочеркасске. У них был сын Юра, лет на десять старше меня (он погиб в первые дни войны).

У нас дедушка пробыл очень недолго. Я в это время болела корью и лежала в кровати, накрытой занавеской (считалось, что так безвреднее для глаз) и посматривала на дедушку через сетку. Он мне очень понравился.

Как-то он вернулся с улицы радостно-возбуждённый. И сообщил, что нашёл на дворе церкви оклад от иконы, который оказался из чистого серебра. Церковь находилась недалеко от нашего дома и к этому времени она была полностью разграблена. Оклад мы сдали в Торгсин и устроили праздничное угощение.

Потом дедушка уехал. По дороге домой он заразился тифом и умер.

Дядя Федя

Был как-то проездом, возвращаясь к себе во Фрунзе из командировки в Москву, старший брат папы, дядя Федя (взрослые его называли «Фёдор»).

Он работал в банковской системе, был крепкий, весёлый, в чесучёвой косоворотке, белых брюках и наголо обритый по тогдашней моде. Чёрные его глаза как бы светились изнутри. Они были очень похожи с папой.

Каждое утро, стоя перед умывальником-Мойдодыром он опасной бритвой освежал свою «причёску». Жили они безбедно, так как ему был положен ежемесячный продуктовый паёк. В те времена это значило очень много.

Со мной дядя Федя охотно общался (у него была своя дочь Галя). Он взял с меня честное слово, что я всегда буду чистить зубы (передние зубы у меня были красивой, довольно редкой формы – «саблевидные» или что-то вроде этого). Данное своё слово я сдержала.

После отъезда дяди Феди мы получили от него несколько продуктовых посылок, которые нас хорошо поддержали.

У тёти Маруси, подарок Юры Козина

В первый класс меня отвели не родители, а тётя Маруся, у которой я жила некоторое время, пока родители находились на полевых топографических съёмках. Мой папа работал геодезистом. «Картчасть», в которой он работал, проводила съёмки для составления карты местности, по которой потом прошёл Волго-Донской канал (и/или разлилось Цимлянское море). Когда родители вернулись из командировки, мы почти сразу переехали в Ростов, куда перевели папину «часть».

Юра Козин (сын Маруси и Александра) учился тогда в десятом классе и я была ему совсем не интересна, скорее даже помехой. Но, как послушный сын, он выполнил просьбу мамы и сделал мне подарок: взял большой красивый осенний лист, положил его на мягкую подложку, а потом легонько но часто постукивая, обработал. Получилась прозрачная сеточка в форме листа. Подарок мне понравился.

Утром на крыльце

Самый печальный эпизод этого периода, это когда на нашем крыльце, высунувшись из двери своей комнаты, которую мама забыла притворить, я увидела возбуждённых жителей нашего дома, что-то горячо обсуждающих.

Я различила слово «опухла». Тут мама взяла меня за руку и решительно увела в комнату. На крыльце сидела мёртвая женщина – жертва «голодомора» тридцать третьего года. С котомкой за плечами и младенцем на руках она шла с украинского села в поисках спасения, и нашла свой конец на нашем крыльце.

Попытка вышивать

В детском саду мне удалось побыть один или два дня, после чего меня исключили, так как маму уволили с работы (началась безработица), а один член семьи, папа, работать продолжал. Я не очень огорчилась.

Мама любила разные рукоделия – шить, вязать, а особенно вышивать, что украшало наш простой быт и делало домашнюю обстановку теплее.

Как-то раз она вышивала белое покрывало белым же ирисом. И, не окончив работу, ненадолго отошла к соседям. Недошитое покрывало лежало на кровати, рядом были иголка с ниткой и ножницы.

Мне захотелось помочь маме. Я взяла иголку, ткнула ей в ближайшую точку рисунка и начала тянуть. Но она что-то не тянулась. Я потянула сильнее.

Чем больше я тянула, тем становилось хуже. Вся ткань начала стягиваться и морщиться. Чтобы исправить ситуацию, я решила немного подрезать ножницами.

Когда мама вернулась, я уже успела как следует «поработать». То, что вышло из моей ей «помощи», несмотря на всё мамино искусство, было заметно до конца службы этого покрывала. Вежливые знакомые говорили, что это место решено очень оригинально – не симметрично, но изящно – и что-то в этом определённо есть.

(19 сентября 2010)

РОСТОВ-НА-ДОНУ. Весна 1935 – март 1938

Улица Фридриха Энгельса и проспект Ворошилова – Школа и городской парк – День рождения (10 лет) – Терентьевы – Скарлатина и коварная весна – Мама и Крым – Подарок маме

Улица Фридриха Энгельса и проспект Ворошилова

В Ростов мы переехали весной 1935. Город мне очень понравился, особенно место, где нам предстояло жить. Я и сейчас думаю, что это был «мой город», но жизнь распорядилась иначе. Мы поселились в самом центре Ростова: практически на пересечении центральной улицы Фридриха Энгельса (сейчас Большая Садовая) с проспектом Ворошилова.

Двор нашего дома – асфальтированный квадрат – казался мне стадионом. Он был закрыт со всех сторон и выход на улицу имел только через чугунные ажурные ворота. Машины заезжали внутрь редко, да на них мы и не обращали внимания во время своих игр.

Одной из наших самых любимых дворовых игр была «Тише едешь – дальше будешь, раз, два, три...». Это очень демократичная игра: любой человек в любой момент мог войти в игру или выйти из неё, не нарушая её ход. У меня была хорошая координация и я успешно «замирала» на месте на счёт «три», при этом успевала подбежать совсем близко к ведущему. Также мы играли в «Вам барыня прислала», в «Вашу зелень показать» и другие игры.

Большой удачей считалось оказаться во дворе, когда из окна полуподвального помещения, где находилась типография, выбрасывали (специально для нас, ребятшек) длинные ленты бракованных обёрток для конфет. Мы их молниеносно разбирали, так что работникам не приходилось их утилизировать.

На углу улицы Энгельса и проспекта Ворошилова стояло красивое здание радиоцентра и музыкальная школа. А следующий дом бы наш «комплекс» – замкнутое двухэтажное П-образное строение гостиничного типа, сообщающееся с улицей через единственную арку. Здесь находилось учреждение, где работал папа (полевая, конструкторская и расчётные части, типография, где печатались карты, а также зал для собраний, буфет и другие службы). В другой части «комплекса» служащим были предоставлены служебные комнаты для проживания. «Служебные» – это когда комната выделяется тебе только пока ты работаешь в этом учреждении.

Жилая часть дома шла параллельно улице Энгельса. На этаже посередине шёл коридор, который в конце имел перпендикулярный отросток, с расположенными в нём «удобствами», в том числе и кухней.

По обе стороны главного коридора размещались комнаты, много комнат, я даже ни разу не удосужилась пересчитать их все. В некоторых из них жили мои друзья и подруги. Общаться было очень удобно.

Коридор мы обычно проскакивали вприпрыжку или пританцовывая.

Первая комната, в которую нас заселили, была как раз та самая кухня, в «отростке», площадью метров девять. Правый дальний угол занимала огромная печь. Малюсенький балкончик был наглухо заколочен из-за его аварийного состояния, рядом с ним было окно во двор, напротив – одностворчатая дверь в коридор.

Вся наша мебель из прежней нашей квартиры в Новочеркасске здесь уместилась: в середине встал стол. Под ним, прижатый к стене – сундук (лёгкий, прочный, удобный и красивый). Одна спинка взрослой кровати упиралась в стенку печи, а вдоль другой спинки была вдвинута моя кровать. Спали мы головами в одну сторону и, засыпая, я всегда держала маму «за ручку».

Кровать моя упиралась в книжный шкаф, поставленный перпендикулярно стене и загораживавший таким образом спальные места от постороннего взгляда из коридора. Диван стоял у стены, упираясь валиком в подоконник, а за диваном, ближе к двери – «Мойдодыр». Ещё имелись два стула: один справа от двери, у шкафа, второй задвигался под стол.

В принципе, всё уместилось. Но чтобы сесть на диван, нужно было перелезть через ножки стола. И вообще – движение в комнате было только «одностороннее» (о «беговой дорожке», как в Новочеркасске, здесь не могло быть и речи).

Зато всегда здесь было тепло и светло. Ранней весной на подоконнике, в стеклянной бутылке из-под молока, у меня стояли веточки тополя. Серёжки и первые листочки радовали и даже побуждали к творчеству.

В этой комнате родились два «знаменитых» моих стихотворения – «Зайка, зайка // на лужайке // за морковкой // прыг, прыг, прыг!» и «Распустились серёжки у Серёжки на окошке».

Школа и городской парк

В Новочеркасске я не доучилась последнюю четверть первого класса. Поэтому по приезду в Ростов весной 1935, мама сразу же повела меня записывать в школу.

Помню, как мы пришли в кабинет завуча. Там мне дали книжку и попросили почитать. Я, очень стесняясь, вся зажавшись и спотыкаясь на каждом шагу, прочитала гораздо хуже, чем могла. Но всё-таки была зачислена во второй класс.

Школа находилась близко от нас – надо было только перейти проспект Ворошилова и немного пройти по этой же стороне улицы вперёд.

Однажды у меня возникла проблема с возвращением домой. Был праздничный день и по проспекту Ворошилова, который мне надо было пересекать, проходили колонны. Техники не помню, скорее всего, её не было, но конники приковали к себе моё внимание. Их было много, они шли рядами, под музыку, гарцевали и так всё было необычно, торжественно и красиво, что я стояла и зачарованно смотрела, потеряв счёт времени. Когда же я вспомнила, что мне нужно домой, то оказалось что милицейский заслон во время парада никого не пропускает через проспект.

Но в те времена милиционеры были добрые и всегда выручали детей. Когда конница прошла, милиционер разрешил мне быстренько перебежать сквозь оркестр на другую сторону.

Учится мне нравилось. Вернее, мне нравилось побыстрее (но хорошо) сделать все уроки, а потом с лёгкой душой заниматься своими делами (видимо, я любила лёгкую душу) – так, чтобы потом, на уроках, не бояться, что тебя вызовут к доске. Выскочкой я никогда не была и руки не тянула, чтобы меня спросили – даже когда знала ответ.

Первый год я была на «продлёнке». После уроков нас кормили в отдельной комнате. Там стоял длинный деревянный стол со скамьями вокруг. Меню было почти всегда одно и то же: молочный кисель и хлеб (во всяком случае так я это запомнила). Некоторые дети капризничали и не ели, а мне всё нравилось. Мама с детства привила мне твёрдое правило: «еда есть еда», и я никогда не делала различий, вкусная еда или нет. Дали поесть – скажи спасибо.

После столовой мы шли в парк. Парк был гордостью города. Находился он рядом со школой, в конце этого же квартала. Раньше здесь была городская свалка, а потом её оригинально преобразовали в зону отдыха. Парк был двухъярусный (чтобы уменьшить земляные работы по выравниванию), это придавало ему романтизма. Мне нравилось сюда ходить.

В нижнем ярусе было влажно и, если повезёт, можно было найти лужу, а в ней головастики и даже жука-плавунца. А вокруг летали стрекозы и «зинчики» (тоненькие голубые стрекозки).

Если сжать руку в кулачок и выставить только мизинчик, а потом сказать волшебные слова: «Зинчик, зинчик, сядь на мизинчик», и при этом неподвижно стоять – он обязательно сядет.

Центральная аллея парка была красиво утрямбована ярко-жёлтым ракушечником, но если на него упадёшь, то обязательно обдерёшь колени и ладони.

Вдоль аллеи стояли скамьи. Наша учительница выбирала свободную, поближе к выходу, садилась, мы доставали из своих мешочков свёртки с бутербродами, тут же, стоя вокруг неё, съедали свои запасы и разбегались в пределах видимости. Набегавшись, мы возвращались в школу. Те, кто жил близко и на кого имелось родительское согласие, отправлялись домой самостоятельно. Остальные ждали, когда за ними придут.

Помню один школьный бал-маскарад под Новый год. Мама сшила мне замечательный костюм – «Кремлёвскую башню». Всё решено было просто, но эффектно и оригинально. На мне было ярко-красное, в тонюсенькую чёрную полоску платье, сделанное из маминого, очень тонкого, чисто шерстяного кашемира. На голове у меня был кокошник, изображающий Спасскую башню с часами с настоящими стрелками. В обе стороны от башни на кокошнике отходила Кремлёвская стена с зубцами. Я выучила какое-то стихотворение о Москве и во время своего номера, перед тем как прочитать это стихотворение, перевела стрелки точно на 12 часов (и ведь через много лет всё сбылось).

В пионеры нас принимали в четвёртом классе. Проходило это просто, на школьной линейке. Дальнейшие события не дали возможности воспользоваться городским Домом Пионеров. Он тоже был рядом, ещё ближе к дому, чем школа, и там имелись разные интересные кружки.

В кружки (в балетный и музыкальный) я ходила в Дом Красной Армии. Он тоже находился рядом.

В балетном кружке на занятиях мы сначала работали у станка, потом – в центре зала, а потом разучивали отдельные элементы классических танцев и готовились к выступлениям на концертах. У меня получалось очень неплохо, не то что (увы) в музыкальном кружке. Но из-за последовавших вскоре событий всё это не имело продолжения.

День рождения (10 лет).

В этой комнатке мне исполнилось десять лет. Мама устроила праздник.

В подарок мне она сшила (вернее, перешила из своего) бархатное платье красивого зелёного цвета, с кружевным воротником. Я в полном наряде ждала гостей и не знала, чем занять себя. Мама в это время на общей кухне караулила праздничный сладкий пирог, чтобы не подгорел. Наконец она торжественно внесла его и, обведя глазами комнату, нашла только одно свободное место, куда можно было его поставить – стул при входе.

«Смотри, не сядь на него» – предупредила она меня.

И тут у меня опять сработал тот же механизм, что и много лет назад, в Новочеркасске, с электрической лампочкой. Сама не понимаю как, но я взяла и села на пирог. К счастью, я не успела его раздавить – мама чуть придержала меня.

Моё нарядное платье пришлось срочно замывать у «Мойдодыра», а пирог как-то подправили. Мы ели его за праздничным столом с огромным удовольствием и никто ничего даже не заподозрил. Мама пекла очень вкусные пироги (чем папа гордился), а пшеница в тех краях родилась отменная.

Мама очень красиво оформила стол и пригласила моих самых близких друзей: Диму, Киру и Галю. Центром стола была большая стеклянная ваза на тонкой длинной ножке, в которую были насыпаны с горкой яркие и разнообразные «ягодки» из карамели: вишенки, яблоки, груши, малина, лимончики и ещё много чего. Такого разнообразия и разноцветия конфет у меня больше не было никогда. Мы торжественно попили чай с пирогом, а потом с разрешения мамы взяли кто сколько смог карамелек и убежали играть к Диме, так как у них в комнате было просторнее.

Терентьевы (это фамилия Димы)

У Димы была сестра Кира, немного старше, и брат Юра, совсем взрослый: он учился, по-моему, уже в десятом классе.

Семья с тремя детьми считалась многодетной и им предоставили две комнатки в главном коридоре – с небольшой прихожей, в которой на кухонном столике стояли примус, бутылка с керосином, поменьше – с денатуратом (для разжигания примуса), лежал коробок спичек и имелись разные другие нужные в хозяйстве вещи.

Однажды Дима решил проявить самостоятельность и развести примус. Опусцу подробности дальнейшего развития событий, но мужской характер он мне продемонстрировал: пожар потушил самостоятельно. А брови и ресницы через некоторое время у него снова отросли.

Ещё на его счету была попытка побриться папиной опасной бритвой. Шрам на его щеке остался навсегда, но он не портил лицо.

Нам с Димой принадлежала вся квартира – но только до уровня стола. Дима любил корабли и книжки про морские путешествия, что и определяло тему наших игр, а потом определило и выбор им профессии (он стал инженером-кораблестроителем). Из газет мы делали лодки и пароходы, и перевозили на них грузы с одного материка на другой. Маршруты мы заимствовали из журнала «Вокруг Света». Его читали и любили все наши сверстники. Материки располагались у нас под стульями, а полы были необъятными океанами со штормами, пиратами и всякими другими опасностями. Преодолев очередную опасность, мы устраивали стоянку и перекус (чем было).

Маму Димы звали Полиной Васильевной, она была домохозяйкой. Моя мама любила ходить к ним на праздники. Отмечались следующие дни: День Красной Армии («учреждение», где служил папа, являлось военной частью и наши отцы все были «командирами»), Первое Мая, Восьмое Марта, День Октябрьской Революции.

Приходили семьями. Говорили не о работе, а, например, о рыбалке. Димин папа, «дядя Коля», был заядлым рыбаком. Человек он был очень доброжелательный, скромный. Меня при встречах он всегда поддразнивал: «Тита-Рита и Микита», но как-то не обидно, по-хорошему. Тостов за столом было мало, спиртного почти не пили, а вот закуска была отменная, теперь такой днём с огнём не сыщешь.

Например – огромное блюдо дымящейся отварной картошки (но какой! её привозила сестра тёти Поли из села, где она учительствовала, и где сама эту картошку выращивала) с красиво разделанной и украшенной луком селёдкой. До сих пор помню вкус и запах этой селёдки, никогда больше ничего близкого похожего не ела и не обоняла.

Тётя Поля была глубоко верующей, из староверов. От неё всем шло добро, но судьба была к ней несправедлива. В первые же дни войны она лишилась старшего сына, а вскоре и мужа.

Кроме Димы, я дружила ещё с Галей Семёновой. Она жила «далеко», то есть в конце коридора. У них имелось пианино (тогда это была редкость). Маме, видимо,

нравились наша дружба и она даже сшила нам одинаковые платица, без рукавичков, но с перелинкой, очень нарядные. Сатин был шелковистый, гармоничной расцветки. «Вы как будто две сестрички», говорила мама.

Скарлатина и коварная весна

Запомнившимся событием стала моя болезнь скарлатиной.

В то время считалось, что лучше в детстве переболеть всем набором детских болезней: корью, ветрянкой, скарлатиной и так далее. Что я, как послушный ребёнок, поочередно и делала.

Перебаливала я как правило не тяжело. Но на этот раз, по легкомыслию, поступила неосторожно и получила осложнение.

Карантин был длительный (дней сорок) и поскольку я болела дома, все эти дни ни с кем не общалась, а только делала уроки. Мне было скучно.

В обеденный перерыв прибегала мама и приносила что-нибудь из буфета. В основном – мандарины. Я их очень любила. Думаю, именно они помогли мне поправиться.

Подвёл меня один весенний день – слишком уж яркий, так и манящий выглянуть в форточку и вдохнуть полной грудью свежего воздуха. Лучи солнца слепили, доставая меня на кровати, приятно грели, за окном капельки талой воды торопливо сбегали по сосулькам и звонко ударяясь обо что-то разбрызгивались, необыкновенно красивые и прозрачные.

Я долго и радостно наблюдала за этим весенним великолепием. А потом не выдержала и высунулась в форточку. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы порыв влажного и холодного ветра вызвал осложнение, с которым пришлось долго и упорно бороться.

Мама и Крым

В этой же комнатке, убираясь однажды к празднику, мама неудачно встала на стул, чтобы вытереть пыль с самого верха печи, потеряла равновесие и упала, ударилась о спинку кровати. В результате она сломала ребро и слегка повредила лёгкое.

Ей наложили тугую повязку и предписали две недели находиться в одной и той же позе, по возможности не двигаясь. Её разместили на диване, на котором она сначала сидела, а потом полулежала весь срок.

А так как она любила вышивать, то за это время вышила папе рубашку из кремового шёлкового полотна очень сложным и богатым рисунком. Это была самая нарядная папина рубашка и надевалась она только по праздникам.

По выздоровлении, маме дали бесплатную путёвку в крымский санаторий, расположенный в Алушке, в бывшем царском дворце. Мама сшила себе из красного, в

мелкие яркие цветочки, сатина открытый сарафан и такую же накидку-пелеринку, купила белую панаму с большими полями и белые тапочки, самые модные и доступные в то время (каждый вечер их чистили зубным порошком).

Вернулась мама из Крыма радостной, поздоровевшей, привезла много фотографий и мы долго потом с интересом слушали её рассказы о Крыме. Эти её рассказы запали мне в сердце и я сама «заболела» Крымом. Судьба мне тут помогла: после окончания института я полтора года проработала в Симферополе, в сетевом районе, а потом очень много отпусков мы с мужем проводили в разных частях Крыма.

Подарок маме

Подарки своим мамам к Восьмому Марта мы с Димой начали готовить заранее. Деньги понемножку откладывали из выдаваемых на личные расходы.

Свои карманные деньги я обычно тратила на два вида лакомств, продававшихся на лотке в одном и том же месте, а именно, на углу улицы Энгельса и проспекта Ворошилова, на нашей же стороне, так что переходить улицу не требовалось. Лоток приносила всегда одна и та же тётя в белом халате.

Одно лакомство – это «лакта» в стаканчике, заклеенном сверху бумагой. А второе – тянучка на бумажечке, скрученной в рулончик. Сливочная тянучка всегда была свежей, почти тёплой, пахла сливками и была совершенно однородная (то есть не засахаренная снаружи), тянулась очень хорошо, но к зубам не липла. Видимо, это было штучное, хорошо отлаженное производство.

Лакту я любила ещё больше. Съешь стаканчик, здесь же, около знакомой тётя, и ощущаешь сразу какую-то внутреннюю гармонию. Думаю, что штампы для закваски были подобраны очень грамотно и технология была отлажена точно и чисто. Сколько попыток я делала позже, чтобы найти что-то приближающееся по вкусу и последствию – и ни разу не удавалось.

Ну и совсем редко я покупала пищик «уйди-уйди». Это было короткое время всеобщей детской моды на «пищики». Децибелы этих «пищиков» нарушали спокойствие жителей города, резко увеличивая естественный шумовой фон. Свой скромный вклад в этот «фон» вносила и я.

И вот путём экономии на лакомствах и пищиках я сформировала «подарочный» фонд. Мы с Димой сделали из бумаги пакеты, предварительно разрисовав их (я, по-моему, анютиными глазками, Дима, думаю, кораблями), сплели из бумаги шестиконечные звёздочки (нас научили этому в школе), купили сладости, уложили всё внутрь пакетов и завязали бантом.

Рано утром Восьмого Марта я тихонечко поставила подарок на стол, а рядом положила самодельную открытку-поздравление.

Радовались подарку все, а больше всех, пожалуй, я сама. Тогда я и поняла, что мне гораздо больше нравится дарить подарки, чем самой получать их.

ГЕЛЕНДЖИК, У ТЁТИ ДИНЫ. Лето 1935 – лето 1937

Первые два лета – Третье лето

В Ростове я проучилась со второго класса по четвёртый включительно. Все летние каникулы (после первого, второго и третьего классов) я проводила у тёти Дины в Геленджике – тогда маленьком, уютном приморском городке.

До Геленджика из Ростова надо было ехать с пересадкой. Сначала на поезде до Новороссийска. В дороге все обязательно ели варёных кур, «которые для пассажиров были дороги», и крутые яйца. Кое-что подкупали на маленьких остановках, в основном овощи и фрукты. Торговля на перронах шла бойко.

Дальше из Новороссийска надо было ехать либо на автобусе по извилистой горной дороге, либо на небольшом пароходике по морю.

Оба пути были мной опробованы и оба оказались «хуже»: меня одинаково укачивало и на море и на горной дороге. Но с этим неудобством приходилось мириться. А обо всём остальном у меня на всю жизнь остались самые лучшие воспоминания.

Отправляли меня к тёте Дине со случайными попутчиками, домой я возвращалась так же.

Первые два лета

Первые два года из описываемых тётя Дина жила близко от морского залива и почти рядом с санаторием. В столовой которого она брала обеды на дом: «первое», «второе» и «третье». Имелись специальные лёгкие алюминиевые судки на три блюда, надевающиеся на одну ручку. Нижний судок, самый большой, для «первого», средний, поменьше, для «второго» и третий, верхний, для «третьего» блюда, чаще всего киселя.

Дом был на две семьи, у каждой была своя комната с отдельным выходом на двор. Перед домом росли два развесистых, тенистых дерева. Одно – жёлтая алыча, другое – красная.

Когда алыча созревала, обе семьи собирались вместе и трясли по очереди деревья. Плоды падали на расстеленные старые одеяла. Из собранной алычи варили во дворе на мангале пастилу, для чего алычу упаривали очень долго, по-моему без воды, при малом количестве сахара – пока не выпаривалась вся жидкость. Потом, остудив, смазывали получившиеся листы растительным маслом, сворачивали в трубку и упаковывали на зиму. Хранилась такая пастила многие годы и сохраняла аромат, но была очень кислой.

Ещё в углу двора, опираясь на забор, росла наклонная (под углом градусов шестьдесят) мощная сосна, моя любимица. Ежедневной моей забавой было с разбегу «забегать» на неё «без ручек» как можно выше. Пахла она на солнце (а солнечными были все дни, дождя не помню ни одного) на всю округу смолой, хвоей и ещё чем-то хорошим.

Дочке тёти Дины, Светочке, было тогда пять лет, и она ходила в садик. Она была очень доброжелательной девочкой и хорошей помощницей маме. Тётя Дина в мой первый приезд решила и меня задействовать в помощники: ходить в санаторную столовую за обедами. Но, увы, из этого ничего не вышло – в первый же раз мне выдали фактически две порции (вместо четырёх), а нас было четверо: тётя Дина, дядя Митя, Светочка и я. Раздатчица, видя что перед ней ребёнок, налила всего по полпорции, да и то пожиже.

Дорога в столовую мне понравилась, она шла вдоль забора санатория, через который перевешивались ветви пышных южных деревьев и кустарников. Особенно мне нравилась «мимоза» (так я называла акацию – не белую, а цветущую розовыми метёлочками-тычинками, из которых потом вырастали огромные стручки). Метёлочки приятно щекотали, если ими провести по лицу, и нежно пахли.

Основное время в эти два лета я проводила, конечно, на берегу бухты. Дорога к ней пролегла через колючую пустошь, что не мешало мне ходить босиком. Среди колючек нежно и как-то сказочно синели цветки цикория.

Мой любимый городской цветок – одуванчик, а степной – цикорий. Им я всегда посылала неслышное «спасибо».

Тётя Дина отпускала меня на море одну. Это была глубокая бухта и при волнении на море в ней было тихо и безопасно.

Иногда на море я встречала несколько ребятшек и играла с ними, но чаще всё-таки там не было никого. Меня это не слишком огорчало, это давало простор для фантазии и полную свободу.

У меня на море было три обязательных «занятия»:

1. «Плавание» (почему в кавычках – будет ясно позже) под водой среди водорослей с открытыми глазами. При этом я наблюдала очень интересный подводный мир и ловила рыбок-коньков, что удавалось делать голыми руками. Я чётко соблюдала инструкцию тёти Дины – не заходить выше «плечиков». Дойдя до разрешённой глубины, я погружалась в воду «с головкой» и «плыла» либо к берегу, рассматривая подводный мир и по дороге общаясь с ним, либо – вдоль берега, время от времени проверяя ногой дно и контролируя глубину.

2. Собираение ракушек (занятие всех прибрежных туземцев), из которых потом делала всевозможные бусы и коробочки.

3. Вытачивание фигурок из пластин берегового сланца (рыбки, лошадки, лодки, фрукты и так далее). Они так и оставались на берегу (может быть теперь их изучают археологи).

Геленджик располагался на тех же пластах цементных сланцев, из которых в Новороссийске делали цемент для всей страны и на экспорт. Поэтому в Новороссийском порту постоянно стояли огромные баржи для погрузки, а в воздухе стояла цементная пыль.

Сланцы лежали близко к поверхности. У Геленджика они проходили по дну залива, образуя местами длинные дорожки от берега вглубь моря. Водоросли на них

не росли и я любила заходить в море по этим дорожкам, гладким и по ощущению тёплым. Я придумывала истории о роскошных дворцах, некогда располагавшихся здесь и специально сделанных дорожках для сказочных принцесс и принцев.

День проходил незаметно. Быстро наступающие южные сумерки звали домой.

Дома, уже сонная, я садилась во дворе около клумбы и мир вскоре окутывала темнота. Только огромные, яркие звёзды светились на небосводе. Запах ночных фиалок, резеды, душистого табака и петуний наполнял всё вокруг. Ночные бабочки, с тяжёлым тельцем и длинным хоботком, зависали над цветками. Крылышки у них быстро-быстро трепыхали, а голова моя почему-то оказывалась уже на подушке, и сон цепко овладевал мною до следующего утра.

Потом приехали мои родители.

Они решили взять отпуск – повидаться с сестрой мамы (тётей Диной) и её семейством, отдохнуть и покупаться в море. В те времена разрешалось вместо отпуска брать денежную компенсацию, что обычно и делалось, в том числе и моими родителями. Но в этот раз они решили отдохнуть по-настоящему.

Приехав, родители решили, что надо путешествовать.

Начали с выхода в горы. Мы поднимались по тропинке, заросшей терновником, «держи-деревом» и «травой-огнём» (действительно, если поднести близко к цветку зажжённую спичку, вокруг него появлялось голубоватое пламя – такие мощные у него были испарения эфирных масел). Добравшись до самого верха, мы шли уже по хребту, время от времени попадая в облака. Мне это было интересно, но не понравилось: дышать из-за водяных паров было трудно и при этом было ничего не видно даже под ногами. К тому же всё делалось влажным. Вернулись мы уставшие, но гордые собой. С земли облака выглядели лучше.

Следующим пунктом был выезд в бухту «Фальшивый Геленджик». Сохранилась общая фотография где мама, папа, тётя Дина, дядя Митя и трое детей (я, моя подруга и Светочка) сфотографированы вместе.

Дядя Митя и я впервые оказались на море вместе. Воспользовавшись этим, он за два «броска» выучил меня плавать, то есть передвигаться по воде, держа голову над водой и спокойно дыша носом.

Вообще, воды я не боялась. Под водой с открытыми глазами я перемещалась достаточно уверенно, но только под водой. Дядя Митя решил устранить это ограничение и сделал это следующим образом.

Он зашёл в воду по грудь, неся меня под мышкой. Я думала, что он хочет поиграть. Но каково же было моё сначала удивление, а потом возмущение, когда он, повернувшись спиной к берегу, со всего размаха бросил меня в глубину.

Я решила опуститься на дно и пойти по нему в сторону берега (как уже делала это раньше), время от времени выпрыгивая на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха.

Но дна не было. Я искала глазами дядю Митю, чтобы ухватиться за него, но он был вне досягаемости. Тогда я отчаянно стала махать ногами, руками, извиваться

всем телом, то скрываясь под водой, то выныривая. При этом, однако, я начала двигаться в сторону берега. Кое-как я до него добралась и коснулась пальчиками спасительного дна. Ух!

Но тут чьи-то сильные руки (это был, конечно, опять дядя Митя) подняли меня и опять бросили в глубину. Тут уж я не на шутку рассердилась и стала пытаться ударить дядю Митю. Но только всё время чуть-чуть не доставала до его, поскольку он тихонько отходил к берегу. Но – странное дело – он отходил, а я, пытаюсь его ударить, тоже приближалась к берегу и оставалась при этом на поверхности.

И тут до меня дошло – ведь я же плову. И, действительно, я в первый раз поплыла по настоящему.

С тех пор я могу свободно и подолгу находиться в воде, перемещаясь по её поверхности.

Третье лето

Третье лето отличалось от двух предыдущих.

Во-первых, у тёти Дины родилась вторая дочка, Неля. Поэтому её семья получила новую квартиру из двух комнат, с крытой верандой, по которой с удовольствием ползала полугодовалая Неля и гуляли куры с петухом. Всё находилось в полной гармонии.

Во-вторых, новый их дом стоял далеко от моря – правда, в огромном саду, в котором рос только горький миндаль. Много деревьев, не сосчитать, поскольку бывший хозяин, грек, выращивал сортовой миндаль на продажу.

Дом стоял на склоне горы, густо поросшей кустарником, в том числе и кизилом. В сезон созревания кизила все жители заготавливали его на зиму. Я вместе со всеми ходила за ним в горы, что было достаточно близко от дома.

Из кизила тоже варили пастилу и мне приходилось за ней следить, одновременно играя в саду.

При сборе кизила я поначалу не послушалась дядю Митю и вскоре раскаялась в этом. Отправляясь за кизилом, местные женщины, несмотря на жару, надевали кофты с длинным рукавом или накидывали платки. Я же была в одних трусиках, как всегда. Дядя Митя сказал, чтобы я надела сарафанчик с «фигаро». Я отмахнулась. Он повторил, я опять не послушалась. Ну, пеняй на себя, сказал он, загадочно улыбаясь.

Мы пошли. Нашли кустарники, сплошь обсыпанные ягодами. Я увлеклась сбором и была всем довольна. Вот только когда пришли домой, я почувствовала что что-то не так. Всё тело моё жгло, как будто тысячи мельчайших заноз вонзились в кожу.

Я пробовала смыть иголки водой – не получилось. Я не могла лечь, невидимые иголки впивались ещё сильнее.

Так я промучилась до утра, а потом всё понемногу стало затихать. Видимо кожа вытолкнула эти тончайшие колючечки, которые усеивали все ветки кизила. Надо было послушаться дядю Митю.

РОСТОВ-НА-ДОНУ, ВТОРАЯ КОМНАТА. Ночь на 1 апреля 1938

Вторая комната, которую нам дали в Ростове (в том же доме: ул. Энгельса, дом 81, кв. 20), была больше и была жилой (а не бывшей кухней, как первая).

Комната имела форму зеркального отражения буквы «Г». Шифоньер и прямоугольный обеденный стол разделили эту букву на жилую часть, «спальню» родителей и пространство для печи, которую регулярно топили зимой углём. В период отопления каждое утро в коридоре у двери стояло ведро с углём и сверху лежали щепки для растопки.

В жилой части комнаты разместили мою кровать, кушетку и туалетный столик, за которым я готовила уроки.

Единственное окно, большое и светлое, выходило на улицу Энгельса. Вечерами, когда зажигались фонари, комната преображалась, делалась фантастической: на стене колыхались, играя, тени белых акаций, а окно мягко подсвечивал фонарь. Как будто они общались со мной и о чём то рассказывали. Мне было безмятежно и радостно.

Но так продолжалось не долго. В ночь на 1 апреля, примерно в 3 часа утра, в дверь нашей комнаты постучали. Голос дворника, обычно разносившего уголь, сказал: «Откройте, у вас угар от печи».

Мы проснулись все: мама, папа и я. Мама ответила, что печь у нас не топилась, так что угар не у нас.

Голос повторил ту же самую фразу и опять раздался стук.

Мама открыла дверь. Вошли двое в военной форме, с оружием. Дворник остался у двери, только перешагнул порог.

Один из вошедших, видимо главный, сообщил, показывая какую то бумагу (это был, видимо, ордер), что они сейчас проведут обыск.

Я, стоя в ночной рубашонке на кровати, молча наблюдала. Один подошёл к кушетке, открыл, прощупал руками, закрыл, выпрямился, оглянулся вокруг и, поняв, что больше осматривать нечего, вопросительно взглянул на старшего.

Тот тоже всё понял и сказал папе: «Одевайтесь, поедете с нами». И добавил: «Возьмите одеяло, может быть придётся провести там ночь».

В полной тишине мама свернула байковое, бежевое в крапинку одеяло и передала папе.

Неожиданно тишину пререзал мой голос: «В тюрьму?». Папа вздрогнул и переспросил: «Что?». Я повторила.

Я плохо осознавала происходящее. Как-будто говорила не я, а кто то другой, но голос при этом был мой.

Мы как то наскоро поцеловались с папой и его увели. Навсегда.

Наступило утро. Я открыла глаза. Светило солнце.

Мама неподвижно стояла у шифоньера, опираясь на него спиной и глядя в одну точку. Я тихонько встала, оделась и подошла к ней. Она не пошевелилась. Я прикоснулась к её руке и собрав все свои силы, сказала очень уверенно, не по-детски: «Ничего, мы выстоим». Помолчала и ещё увереннее повторила: «Непременно выстоим».

Мама встrepенулась. Мы включились в обычный распорядок дня.

В первый же день маму вызвал начальник и в форме совета, сказал: «Вам лучше уехать в другой город, чтобы не подвергать себя и дочку опасности».

Что мы и сделали. Мама уволилась, я окончила четвёртый класс и мы уплыли в Камышин по каналу Волга-Дон, для которого ещё в Новочеркасске папа, работая геодезистом, делал полевые съёмки.

В Камышине жила моя бабушка, Пелагея Петровна, мой дядя Коля (мамин старший брат), его жена тётя Тая (папина старшая сестра) и моя двоюродная сестра Ирочка.

КАМЫШИН. 1938 – 1942

Пушкинская, 79 – Мамина работа – Восьмой класс

Пушкинская, 79

В Камышине на пристани нас с мамой встретили тётя Тая и её дочка Ира.

Тётя Тая жила на Пушкинской улице, дом 79, в собственном доме. Доставшемся ей от первого мужа, портного по профессии.

Дом был деревянный, одноэтажный, с тремя окнами на улицу, с цокольным этажом и открытым крыльцом во двор.

Жили на первом этаже, а в цокольном этаже находились подсобные помещения. Войдя во двор через калитку и поднявшись на крыльцо, ты попадал в сени, откуда был вход в жилые комнаты, а также (вниз по лестнице) в цокольный этаж. Вход в него был также и со двора. В определённые периоды комнаты в цокольном этаже тётя Тая сдавала студенткам техникума.

На первом этаже имелось четыре небольших комнаты. Отопление было печное. Печь-голландка стояла посередине дома. Топилась она (опилками) из первой комнаты. Здесь же готовилась еда, а также находился кран с холодной водой и фаянсовая раковина, под которой стояло ведро.

Из первой комнаты дверь направо вела в гостиную (где стояло пианино, трюмо и вдоль стен стулья), откуда можно было попасть в запроходную комнату (спальню тёти Таи и дяди Коли).

На этом пианино я училась играть, занимаясь в школьном музыкальном кружке. Учительница была пожилая немка и в первые же дни войны её со всеми немцами Поволжья депортировали из Камышина.

В Ирошкину спальню вход был также из первой комнаты, которую условно можно назвать «кухней- столовой».

Первое время флигель был занят жильцами и нас разместили в доме. Меня – вместе с Ирой в её спальне, маму – в гостиной.

По радио шли ежедневные трансляции (по-моему, в прямом эфире) опер и балетов из Большого театра, и мы регулярно слушали их, воображая (Ира лёжа на кровати, а я на укороченном топчанчике, ибо на вторую кровать места уже не хватало), что мы находимся в ложах театра.

А ещё мы с Ирой устраивали домашние концерты для наших родителей. У Иры был хороший голос (альт). По козинской линии она унаследовала неплохие актёрские данные.

Вот, например, как выглядела «программа» одного из таких наших концертов:

1. Песня «В степи под Херсоном высокие травы» в её исполнении. Эту песню она пела на сцене городского драматического театра по случаю одного из революционных праздников. Как говорили, у слушателей наворачивались слёзы – так эмоционально звучал её голос.

2. Стихи (читали мы обе).

3. Театральная постановка отрывка из комедии «Недоросль» Фонвизина. Ира была Недорослем, я – Учителем, обе – в самодельных костюмах и гриме.

4. Музыкальная пьеса Чайковского на пианино. Возможно, было что-то ещё.

Во время исполнения отрывка из «Недоросли» я оскандалилась. Ира так смешно играла свою роль, что я не могла удержаться и, повернувшись к зрителям спиной, захохотала.

В конце довольно длинного двора стоял однокомнатный флигель, построенный собственноручно моим дедушкой, Алексеем Ивановичем Козиным, и молодой тётёй Диной.

Во флигеле были холодные просторные сени. В них хранились дрова и разные нужные вещи, а в осенний сезон – арбузы, покупаемые возами, и другие овощи. Через сени был вход в маленькую прихожую-столовую и совсем малюсенькую кухню. Печь стояла посередине флигеля.

Двор был разделён на участки в зависимости от назначения. Напротив крыльца дома часть двора была самой тенистой из-за росшего развесистого американского клёна. В его тени стоял просторный деревянный стол, на котором обедали и который вообще активно использовался в жаркое время года. Нередко температура была выше 30 градусов и в такие дни мы спали на полу и укрывались мокрой простыней.

В военное время дядя Коля вырыл во дворе бомбоубежище (крытая щель в земле), в котором мы прятались во время налётов авиации, в основном ночью. Я тогда читала книгу Беляева «Голова профессора Доуэля» и в этом бомбоубежище подробно пересказывала прочитанное, скрашивая остальным пребывание там.

Но когда нашего слуха достигал звук падающей бомбы, уже ничто не могло отвлекать, и мы замирали. Казалось, что в этот раз она летит прямо на нас. Но это было не так. Бомбили нефтехранилища, а они находились далеко от нас – дальше, чем возможные неточности при бомбёжке.

От калитки до флигеля вела тропинка, разделяющая двор на две половины. Подходя к дому из школы, я обычно распахивала калитку и вприпрыжку проскакивала всю тропинку до флигеля, напевая и размахивая портфелем. Меня часто встречал Керзон – белый гладкошёрстный дворовой пёс.

Из построек во дворе имелся ещё сарай. В нём очень недолго жила коза. К сараю была прислонена лестница, ведущая на сеновал.

Был ещё один сарай, с погребом-ледником, который каждую зиму, ближе к весне, дядя Коля набивал слежавшимся снегом и хорошо его утрамбовывал. В погребе холод держался всё лето.

Осенью тётя Тая делала заготовки: солила бочками капусту, помидоры, огурцы и обязательно арбузы. Всё это хранилось в погребе. Там же держали и овощи. Зимой жили в основном на заготовках.

В сарае хранились книги. В том числе – полное собрание сочинений Льва Толстого. В летние школьные каникулы, особенно в жаркие дни, я забиралась в сарай, садилась на деревянную крышку погреба и читала. Как раз крыша над этим местом имела нужную щёлочку, и солнечный лучик хорошо освещал текст. Кругом же была прохлада и полутьма.

Ещё одно необходимейшее строение – туалет-скворечник. Он стоял в садовой части двора. Здесь росли яблони и вишня.

За домом росла также огромная груша-дичок. Она была выше крыши. Это было единственное плодовое дерево, которым нам разрешалось пользоваться без спроса. А так как я никогда не любила и не умела просить, для меня оно и было единственным. Плоды его были терпкими, вяжущими и застревали в горле. Но плодоносило оно каждый год, и очень обильно.

За сараем был маленький огородик и несколько ягодных кустов.

Нам с мамой земли не выделили и кроме груши мы ничем не пользовались.

Когда жильцы тёти Таи съехали, то мы с мамой, а потом и бабушка, переселились во флигель.

Жизнь моя в Камышине состояла из учёбы и чтения книг. Книги я брала в библиотеке. Почему-то меня, кроме классики, интересовала познавательная литература. Возможно, с грамотной подачи библиотечарши. Так, я с интересом прочитала «Жизнь насекомых» Фабра, «Путешествие на корабле «Бигль»» Дарвина и многое другое.

Для мамы жизнь состояла из одной работы – ведь это был единственный источник нашего существования. Брат отца, «дядя Федя» из города Фрунзе, больше никак не проявлялся.

Думаю, здесь будет уместно привести перечень мест работы моей мамы с 1924 по 1952.

Мамина работа

Вот все известные мне места работы моей мамы – Татьяны Алексеевны Козиной (Евдокимовой). Составлен мной по сохранившимся документам:

- 01.10.1924 – 01.01.1926. «Нар. учительница» (видимо, «народная учительница»; конкретное место работы не указано). Справка выдана Упр. делами Общ. отд. Камышинского Уисполкома. Фамилия – Козина.

- 04.05.1930. Безработная. Справка выдана: Новочеркасский район Донокруга Северо-Кавказского (?) профсоюза работников просвещения СССР. Здесь и далее фамилия Евдокимова.
- 25.03.1931. «Мать-активистка», председатель дошкольного совета, практикант по дошкольной работе при детском саду.
- 03.05.1931. Окончила 1,5-месячные Городские дошкольные курсы, Новочеркасск.
- 29.11.1932 – 19.03.1933. Картпредприятие «Сельхозкарта №1», практикант триангуляционного бюро. Справка выдана предприятием. Новочеркасск.
- 06.08.1934 – 06.09.1934. 2-ая изыскательская партия Нижнего Дона. Техник вычислительно-триангуляционных и траверсных работ. Справка выдана начальником 2-ой изыскательской партии, ст. Цимлянская. Награждена грамотой Управпредприятия Управземля. Присвоено звание Ударника первого года второй пятилетки за выполнение промфинплана на 1933, за подписью секретаря ВЛКСМ и председателя МК.
- Февраль 1935 – май 1938. Ростовская картчасть, техник-картограф. Окончила 9-месчные курсы техников-картографов в 1936 и 2-месячные курсы по повышению квалификации техников-картографов в 1938.
- 01.07.1938 – 25.08.1938. Артель «Красный вышивальщик» (Камышин?). Ручная вышивальщица.
- 20.12.1938 – июль 1939. Школа ликбеза при Камышинском Районо.
- 08.09.1941. Свидетельство о прекращении брака. Выдано НКВД СССР, Камышинское Райбюро ЗАГС Сталинградской обл. Здесь и далее фамилия Козина.
- 02.09.1941 – 05.09.1942. Камышинское Районо Сталинградской обл.. Счетовод.
- 20.08.1939 – 15.08.1941. Школа взрослых, Камышин. Учитель арифметики в 5-м классе, все предметы в 4-м классе.
- 23.02.1939 – 05.01.1942. Дом пионеров, Камышин. Руководитель кружка художественной вышивки. Удостоверение: Кружок рукоделия награждается премией в 100 руб. и выдвигается для участия в областной выставке.
- 06.09.1942 – 25.06.1944. Камышинский детский дом им. Розы Люксембург (эвакуированный в с. Купрос Юсьвинского района Коми-Пермяцкого автономного округа). Воспитательница. Справка выдана дирекцией Купроского детского дома.
- 27.01.1943. Кружок художественной вышивки при детском доме с. Купрос. Объявлена благодарность. Коми-Пермяцкий окружной комитет комсомола, секретарь Возженников.
- 17.07.1944. Детский сад № 4, Камышин. Воспитательница. Справка выдана Камышинским Гороно.

- 01.09.1945 – 26.07.1950. Средняя школа, с. Ольшанка Целинского района Ростовской области. Учительница начальных классов и рисования в 5-м классе.
- 12.01.1950. Аттестат о присвоении квалификации «Учитель начальной школы». Азовское педучилище Ростовской области.
- 01. 09.1950 – 01.09.1952. Симферополь, средняя школа № 4. Учительница начальных классов. Справка выдана Симферопольским Горно.

Татьяна Козина, вышивка «Букет». 1939-40, Камышин.

Восьмой класс

В Камышине мы с моей двоюродной сестрой Ирой учились в новой школе – светлой, просторной, над Волгой-рекой. А Волга была тогда полноводная, чистая и рыбная, ещё не скованная плотинами так называемого «Волжского каскада».

В 1941 году в здании школы был размещён военный госпиталь и один раз я дежурила там в палате выздоравливающих. Школу же перевели в небольшое здание.

Берег, на котором стояла школа, был высокий и обрывистый. Это особенно чувствовалось на уроках физкультуры зимой, когда нас заставляли спускаться на лыжах по извилистой кочковатой дороге вниз, к реке. У меня это получалось плохо. Я выросла на юге, снег в Ростове выпадал не каждую зиму и больше дня не держался.

Весной 1941 я окончила восьмой класс и начались летние каникулы. Утром 22 июня я, как обычно, весело выпорхнула из нашего флигеля во двор, к умывальнику. И услышала по репродуктору голос диктора, сообщающего о начале войны. Бабушка стояла в проёме двери и что-то вытирала полотенцем.

Сообщение мы восприняли по-разному. Я – ура-патриотически, как пелось в песне «Если завтра война». Бабушка же, умудрённая опытом пережитых войн, и будучи просто мудрым человеком, после продолжительного молчания сказала:

«Это будет очень, очень тяжёлое и длительное испытание для всех нас». Помолчала и добавила: «Всё не так, как ты думаешь» – и снова замолчала.

Она никогда не спорила, не переубеждала собеседника, не доказывала свою правоту, но слова её точно достигали цели.

В эти каникулы нас, школьников, отправили на уборку урожая на поля поволжских немцев. Которых в первые же месяцы войны выселили всех в Казахстан.

Убирали мы помидоры и морковь. Таких ухоженных полей, хороших дорог, а главное такого урожая я не видела ни до, ни после.

Морковины легко вытаскивались из рыхлой земли и каждая была хоть сейчас на всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

А кусты помидор мы «доили» обеими руками, зажав между пальцами веточки, на которых помидоры держались. Они падали в корзину сразу по несколько штук – крупные, мясистые, ароматные. Разломишь пополам, а разлом – крупинками. А вкус! Вот только соли у нас не было с собой в поле. И хлеба тоже.

Впрочем, едкий сок веточек, на которых держались помидоры, вызывал сильные раздражения на коже. Рукавицы нам не полагались.

Жили мы в брошенных домах. Спали на полу, на сене.

В нашем доме в стенном шкафу остались годовые подшивки «Нивы» – русского дореволюционного еженедельного журнала. Меня поразили его объём и качество иллюстраций – рисунки для вышивки, разные поделки для дома, выкройки, интерьеры, советы и рецепты.

Посёлок был аккуратный, домики чистые, уютные и светлые. Живности не осталось никакой, даже бродячих кошек и собак. Зато имелись полчища блох, от которых не было спасения. Мы пытались применять против них полынь, но это помогало мало. Все мои ноги были в укусах.

Моих одноклассниц, с которыми я дружила в школе, звали так: Эльза Крафт, Лия Горбатова, Лия Терпугова, Клара Цевелёва, Люда Яголковская.

Эльза Крафт была из семьи поволжских немцев. Она мне нравилась своей безупречной аккуратностью и сдержанностью. Училась хорошо, держалась несколько отстранённо.

Запомнился один случай. На перемене Эльза случайно зацепилась за что-то и вырвала клочок на подоле своего красного, в мелкий рисунок, сарафанчика. Эльза очень расстроилась. На следующий день она пришла в школу в том же сарафанчике и я, как ни старалась, не смогла найти даже следа ремонта – так аккуратно было всё заштопано.

В один из дней сентября 1941 Эльза пришла в школу очень печальной, мне показалось, заплаканной, ни с кем не разговаривала, а на следующий день она не пришла совсем. Классная руководительница объяснила нам, что всех немцев переселяют, в том числе и Эльзу. Срок на сборы был дан одни сутки.

Лия Горбатова, «Лиечка», как её звали в школе, была миловидной, болезненной девочкой с очень хорошим голосом и безупречным музыкальным слухом. Однако из-за болезни ей запрещали петь, что её огорчало, и она не очень-то слушалась.

Родителей у неё не было. Жила она с тётей – крупной, громоздкой женщиной, производящей впечатление очень крепкой и здоровой.

Мне Лиечка нравилась. Во время войны её не стало.

Лия Терпугова была эвакуирована из Ленинграда и отличалась от всех нас каким-то «столичным» лоском. Она была очень контактна, эрудирована, серьёзно училась играть на пианино. Ноты, подаренные ей мне, хранятся у меня до сих пор.

Клара Цевелёва иногда приходила ко мне домой, на Пушкинскую, 79. С ней я общалась больше, чем с другими. Была у неё младшая сестрёнка, по-моему Римма.

Помню, во время войны я как-то зашла за ней домой, и её мама вынесла нам по куску свежее испечённого пирога с капустой. Это было что-то неправдоподобно вкусное. Как сложилась её дальнейшая жизнь я не знаю.

КУПРОС, ЭВАКУАЦИЯ. Сентябрь 1942 – лето 1944

С Людой Яголковской мы вместе были в эвакуации.

Папа Люды был директором Камышинского детского дома им. Розы Люксембург, который в 1942 эвакуировали в Коми-Пермяцкий округ, а моя мама работала в нём педагогом-воспитателем.

Эвакуировались мы на пароходе. На пристани в Камышине во время погрузки пароход начали бомбить и капитан отдал приказ отчалить, не дожидаясь конца погрузки. Не все успели сесть и не всё успели погрузить. Пароход сразу дал полный ход и пошёл зигзагами. Всё это время я проспала, а мама стояла надо мной, чтобы в любой момент разбудить.

Мы плыли сначала по Волге. Потом мы плыли по реке Каме до Усть-Пожвы, где перегрузились на маленький пароходик.

Перегрузка шла ночью, сильный ветер и волны раскачивали «сходни», вода заплёскивалась на палубу. В памяти остались завывание ветра, холод заливающей воды, брызги, громкие команды, крики и общий гул пассажиров, плач детей, отсутствие «тверди» под ногами, тяжесть перетаскиваемых тюков. В-общем, кошмарный сон.

И в этой, почти не реальной обстановке, у меня сформировалась и засела в сознании мысль, что «все материальные вещи не имеют никакой ценности, в жизни нужно иметь только минимум необходимого и никогда не жалеть о пропавшем, а что есть – беречь».

Уже через много-много лет, в зрелом возрасте, вспоминая два критических момента своей жизни (первый – ночь на первое апреля 1938 в Ростове, второй – пересадка на пароход в Усть-Пожве), я поняла, что те мысли были, по существу, психологическими установками самой себе.

Обе установки сыграли свою роль в моей жизни – с одной стороны, помогли выжить, а с другой, не будучи вовремя заменены на более соответствующие ситуации, оказались тормозом.

Дальше мы ехали на лошадях, в телегах, которые выделил колхоз, до села Купрос, Юсьвинского района, Коми-пермяцкого округа, где нам предстояло прожить с сентября 1942 по июнь 1944.

Для детского дома и его сотрудников выделили самую добротную избу из толстых душистых брёвен лиственницы. Окна были большие, высоко над землёй, вход с крыльца со ступенями.

Нам с мамой выделили кухню. Большую часть её занимала огромная печь. Поместился только топчан для меня, а мама спала на печи.

Возле маленького окошка стоял крохотный столик, на нем швейная машинка. Сделав уроки, я при лампадке захлёб читала «Тихий Дон» Шолохова, полностью погружаясь в степные, такие близкие моему сердцу, просторы и переживания героев романа.

Несколько раз под окно приходил волк и, немного повыив, уходил.

Дров было много, но пилить и колоть надо было самим. Пилили вместе с мамой, а колола в основном я, и полюбила это занятие. Видимо, дрова были хорошие и на морозе легко раскалывались.

Осенью, после уборки гороха, на поля пускали скот немного подкормиться, а потом уже детдомовцев – собирать упавшие на землю горошины. Мне удалось собрана мешочек килограмма на два. Это было целое богатство.

Питались сотрудники вместе с детьми, мама приносила мне мою дневную порцию. Продукты для детдома поставлял колхоз. Для себя у них оставалось очень немного.

Очень редко, зимой, мама покупала у крестьян молоко. Привозили его на санях, в виде замороженных дисков, переложив их соломой. Сначала молоко замораживали в мисках, потом вынимали и хранили для продажи. Крестьянам нужны были деньги для уплаты налогов. Какое же это молоко было вкусное.

В селе была школа-семилетка, которую с нашим приездом переделали в десятилетку, чтобы здесь можно было получить аттестат о полном среднем образовании. Учителя были как местные, так и из эвакуированных.

Литературу в 8-10 классах преподавала местная молоденькая учительница, окончившая техникум и почти ровесница нам. Мы её любили.

Математику преподавал муж воспитательницы, он получил университетское образование. Повезло нам и с физиком. Преподаватель Ленинградского института после ранения в руку был комиссован и они с женой (переводчицей с немецкого и тоже преподавательницей ленинградского вуза) эвакуировались в Купрос.

МОСКВА, МЭИ. Лето 1944 – февраль 1950

Поступление в институт – Лида Артёменкова

Поступление в институт

Окончив 10-й класс в 1944 и получив аттестат с отличием, я поехала в город Горький (теперь Нижний Новгород) к тёте Нюре.

Эра, дочь тёти Нюры (старшей сестры моей мамы), а моя двоюродная сестрёнка, тоже окончила в том году 10-й класс и тоже с отличием. В то время по таким аттестатам в институты принимали без экзаменов.

Мы обе выбрали Московский Энергетический Институт. Не последнюю роль при выборе сыграл факт наличия общежития для иногородних.

Мы послали в Москву документы и поехали в колхоз на уборку зерновых – пшеницы, а может быть, ржи, не помню.

В августе я получила вызов из института и уехала в Москву. Позже приехала и Эра. Начался насыщенный период более чем пятилетней студенческой жизни.

Лида Артёменкова

Лида была моей самой близкой подругой на протяжении большей части моей жизни – начиная с 1944 (когда мы встретились на первом курсе института) и до самой её смерти в 2009.

Два года мы с ней прожили в одной комнате в студенческом общежитии (комната была на шестерых, три двухъярусные кровати). Потом в институте появился новый, особый факультет, на который отбирали со всех других факультетов после второго курса. Отбирали лучших, с хорошей успеваемостью и безукоризненной анкетой. Ещё надо было сдать дополнительный экзамен по математике. Лиду взяли, а я (из-за своей анкеты) даже и не пробовала.

На том факультете условия были лучше: выше стипендия (доплачивал Средмаш), лучше общежитие и очень насыщенная программа.

Мы дружили с Лидой в течении 65 лет. При этом я хорошо представляла лишь бытовую сторону её жизни. О её работе я знала лишь то, что она работает в «атомном проекте» и возглавляет какой-то отдел в секретном институте (СНИИ-Пе).

Как-то я спросила её – откуда она наблюдала второй испытательный взрыв атомной бомбы под Семипалатинском? Из бункера?

Оказалось, что нет. Все участники испытаний, и она в том числе, стояли на открытом воздухе, а для защиты от радиоактивной пыли им выдали сатиновые халаты. Сразу после взрыва она поехала на машине к вышке с измерительной аппаратурой, разработанной её лабораторией. По возвращении в Москву, в ведомственной

больнице ей несколько раз делали переливание крови. После этого она прожила ещё 58 лет.

Ещё в студенческую пору Лида познакомилась с Лёвой Артёменковым и через некоторое время сама стала Артёменковой (до этого она была Новиковой).

Ушли они с Лёвой почти вместе, с интервалом в восемь месяцев: он – в ноябре 2008, она – в июле 2009.

Лида всё знала о своей профессиональной болезни (рак), всё просчитала и всё чётко организовала, чтобы успеть привести дела в порядок. Будучи уже в тяжёлом состоянии, не вставая с постели, она нашла силы каждому из близких послать добрые пожелания. Нам с Валерием она сказала так: «Живите ещё (тут она задумалась, чтобы пожелание было реалистичным, и сказала) ...пять лет».

У нас получилось девять.

ОЛЬШАНКА. Летние каникулы 1945 - 1949

Когда летом 1944 я поступила в МЭИ и уехала в Москву, то мама из Купроса поехала сначала в Камышин, к тётке Тае, а оттуда – в село Ольшанка (в Сальских степях), к тётке Дине.

Там она находилась до окончания мной института и получения мной направления на работу в Симферопольский сетевой район Крымэнерго на должность инженера-электрика.

В Ольшанке мама работала в школе и всеми силами помогала мне, посылая деньги, а один раз – целую головку «Советского» сыра (от тёти Дины), которой я не смогла распорядиться правильно – продать и купить себе что-нибудь из обуви и одежды. Я просто её понемногу съела. Всю.

В Ольшанку я ездила каждое лето на каникулы.

Помню много солнца, степной запах сухой травы, постоянный ветер (от слабого до сильного), огромные поля сортовой пшеницы, кукурузы и подсолнечников.

Заросли кукурузы, много выше моего роста, шуршали, когда я «продиралась» сквозь них, и нежно поглаживали прохладными волосками початков. А вот шершавые стебли и листья подсолнухов (чьи тяжёлые головы смотрели на меня сверху) негостеприимно царапались. Вокруг стояло сплошное гудение насекомых. И эти ароматы степей – особый у кукурузы и особый у подсолнухов, медовый.

Пищу готовили во дворе на печи, которую топили соломой. Большинство построек были из «саманного» кирпича (глина, смешанная с соломой).

Ехать в Ольшанку из Москвы надо было с пересадкой, а от станции – ловить попутную машину.

Помню одну посадку. Поезд был переполнен молодыми солдатами, едущими в тыл на долечивание. Посадки на него как таковой не было, поэтому нас «подавали» с перрона в вагон через открытое окно, а в вагоне принимали. Так и меня посадили, а там чьи-то руки приняли. За мной таким же путём последовал мой чемоданчик.

Все полки были заняты, включая третьи, багажные. Я кое-как разместилась, свесив ноги, на третьей полке. Так и ехала. Молодые бойцы были очень, скажем так, дружелюбны, так что нелегко было удерживать дистанцию. Однако всё обошлось.

СИМФЕРОПОЛЬ. Февраль 1950 – сентябрь 1951

Снежинки на перроне – Сетевой район – Получение жилья и приезд мамы - Левчушки

Снежинки на перроне

Защитив в феврале 1950 дипломную работу и получив назначение в Симферопольский сетевой район Крымэнерго на должность инженера-электрика, я, с одним чемоданчиком в руке, поехала на Курский вокзал. Примерно через полтора суток я благополучно прибыла в Симферополь.

Стоял февраль. Было раннее утро. Падал лёгкий снежок и сквозь него ласково и бодро светило крымское солнце.

Выйдя на перрон и вздохнув после душного вагона полной грудью, я почувствовала необыкновенную радость бытия. Мир был прекрасен.

Здесь, на перроне, пахло необыкновенной свежестью, с примесью ароматов степи, гор, трав и даже, как мне казалось, моря.

В течение следующих полутора лет, которые я здесь находилась, я часто испытывала это чувство радости бытия.

С вокзала я поехала в город и легко нашла здание Управления Крымэнерго. Так как рабочий день ещё не начался, я села на чемоданчик у двери и стала ждать. Через некоторое время начали подходить сотрудники. И один из них обратил, наконец, на меня внимание. Это был начальник отдела кадров Крымэнерго. Так началась моя рабочая биография.

Сетевой район

Встретили молодого специалиста из Москвы (меня) приветливо. Но, сказать по правде, необходимости в кадрах в районе не было.

Однако направление молодого специалиста обязывало организацию его принять – и меня приняли. Сначала – лаборантом по анализам трансформаторного масла. Отключение и включение больших мощностей производится не в воздушной среде, а в трансформаторном масле, обладающем повышенным пробивным напряжением, то есть лучшими изоляционными свойствами. Но дуга, образующаяся при разрыве контакта, повышает кислотность масла и со временем его приходится менять. Смена масла очень трудоёмкий и затратный процесс. Цель контроля – определение кислотности масла и времени его смены.

В должности лаборанта я была под началом инженера-химика Валентины Коновны. Она была немногим старше меня, но имела определённый жизненный опыт (у неё уже была дочка Наташа, которая ходила в детский садик), так что принимала участие в моей жизни на правах старшего товарища. О ней у меня остались самые тёплые воспоминания.

Следующей моей должностью (полученной не без помощи Валерия Митюшёва, работавшего тогда в Москве), стала должность инженера в лаборатории по эксплуатации высоковольтных подстанций, трансформаторных подстанций (6 Кв / 380 В) и кабельных сетей (6 Кв).

В составе лаборатории были: начальница (Ася Бенционовна), инженер (Серафима Деева), старший электромонтёр, 3-4 простых электромонтёра и водитель.

У нас была своя передвижная лаборатория на колёсах с необходимым для испытаний оборудованием. Занимались мы периодической проверкой существующих объектов, расположенных в Симферополе, Ялте, Саках и так далее, а также вводом в строй новых объектов (в частности, высоковольтной подстанции в Евпатории).

Вводили объект мы ранней весной, работали на открытом воздухе, с металлическими конструкциями. С моря дул ледяной ветер, всё вокруг было обледенелое. Несмотря на «юг», условия подчас были суровыми.

Через некоторое время, также по направлению из МЭИ, в Евпаторию приехала Валя Левчук, а потом её сестра Людмилка (так её звала Валя и мы, студенты).

Валю оформили тоже в Крымэнерго. Она занималась ежедневными расчётами токов короткого замыкания системы и часто выезжала в Севастополь, на ГРЭС-1. Туда как раз распределили Людмилку.

Получение жилья и приезд мамы

Первым моим собственным жильём стала подсобная комната в клубе, рядом со сценой, «гримёрка».

Меня это вполне устраивало. Правда, когда в клубе проходили какие-нибудь мероприятия (собрания или концерты) – а проходили они часто и обычно по вечерам, когда я как раз была дома – тогда единственной связью с внешним миром у меня оставалось окно. Оно выходило во двор сетевого района. Но всё равно это меня вполне устраивало.

К осени строители сдали в Симферополе дом для сотрудников Сетевого района на Новосадовой улице. А ко мне приехала мама из Ольшанки. И вот нам на троих (мне, маме и Вале Левчук) выделили отдельную двухкомнатную квартиру на втором этаже.

Мы с мамой заняли проходную комнату, так как она была заметно больше, а Валя – запроходную, с маленьким балкончиком. На нём мы сушили бельё после стирки.

Однажды, повесив простыни вечером, я утром обнаружила только пустые верёвки. Злоумышленники унесли всю постельную смену – простыни, пододеяльники и наволочки. Тогда это было чувствительно, но почему-то я совсем не огорчилась (видимо надёжно работала «установка Усть-Пожвы»).

В Сетевом районе нам выписали (бесплатно) кровати, матрасы, подушки, стол, кухонный столик и стулья, а всё наше личное имущество легко уместилось в че-

моданах под кроватью и на вешалке, прибитой с стене в коридоре. Тёплый климат и практически отсутствие зимы не требовали зимних вещей, что заметно облегчало гардероб.

Окна наши выходили на улицу с видом на кладбище, так что все процессии проходили прямо под нашими окнами. Сейчас это обстоятельство меня бы смутило, но тогда – нисколько.

Зато рядом находился базар. Сезон фруктов и овощей начинался рано, а кончался поздно. И всё это время на прилавках было изобилие зрелых и ароматных плодов. В зависимости от сезона, над рынком стоял аромат то клубники, то абрикосов и персиков, то груш и так далее. И всё это – под аккомпанемент жужжания пчёл, фруктовых мушек и других насекомых.

Фрукты и овощи созревали здесь в естественных условиях, на своих веточках, своих кустиках – и поражали своим вкусом. Всё было неправдоподобно дёшево, и чем вкуснее и зрелее, тем дешевле, особенно к концу дня.

На столе у нас всегда стоял стеклянный кувшин со свежим компотом-морсом. В кухне висели связки белых сушёных грибов (неожиданно для Крыма). Кругом было сплошное изобилие и благополучие.

В нашем Сетевом районе сотрудников централизованно обеспечивали овощами на зиму. Хранили их мы в подвале своего дома. Каждой семье был отведён чуланчик для дров, для ванной комнаты (!) и зимних запасов овощей и квашений.

Ещё один «гастрономический» штрих. Недалеко от места нашей работы находилась коптильня. Каждое утро сюда привозили ночной улов скумбрии, и в наш обеденный перерыв мы часто покупали одну копчёную скумбрию на троих. Свежевыловленная, свежекочёная, ещё тёплая скумбрия – это что-то неопишное. Особенно после стольких голодных лет.

В Сетевом районе был свой транспорт для служебных нужд, и в летний сезон по выходным дням желающих бесплатно возили на морской берег, чаще всего в Алушту.

«Левчушки»

В МЭИ на нашем факультете учились две сестры: Валя Левчук и Люда Левчук. Валя была старшей и всю жизнь опекала младшую, Людмилку, как она её называла. В институте их называли «Левчушки». Учились они на разных курсах, но после окончания института обе, поочерёдно, были распределены в одну и ту же систему, Крымэнерго. Валя – в Симферополь, а Людмила – в Севастополь.

Через некоторое время Людмила вышла замуж за своего сослуживца и родила дочку Лену. Валя была очень ответственной и организованной в работе и жизни, но своей семьи не создала, были проблемы со здоровьем (что-то серьёзное с щитовидкой). Все душевные силы, привязанность и любовь она тратила на Людмилку и свою племянницу.

Всё было гармонично в их судьбе, на работе их любили. Но всё изменила одна эпидемия гриппа. В те времена грипп не отличали от ОРВИ и давали бюллетень на три дня.

Случилось так, что Людмила заболела гриппом, а ровно через три дня её выпи-сали и это совпало с комсомольским субботником на Сапун Горе. Отказаться, по-понятием того времени, было нельзя. На горе был пронзительный холодный ве-тер ранней весны.

На другой день Людмила почувствовала ломоту во всем теле. Сначала постави-ли диагноз «возвратный грипп», потом «ревматизм», от которого долго и безре-зультатно лечили, а потом, после консультации в Москве, диагностировали неиз-лечимую болезнь крови, ставшую результатом осложнения после гриппа.

Валя много лет боролась за Людмилку, делала всё возможное и невозможное, но постепенно здоровье сестры ухудшалось и наступил печальный конец. Но так или иначе, Валя отсрочила неизбежный исход на несколько лет.

Севастополь оказался несчастливым местом и для неё самой. Переходя здесь вокзальную площадь, она попала под машину и погибла. Но это случится много позже моего отъезда из солнечного Крыма в глухие подмосковные Луховицы.

А пока Валя была полна жизнелюбией, энергии, надежд. Она очень любила и це-нила свой день рождения и готовилась к нему целый год. Когда я жила уже в Москве, я ко дню её рождения высылала ей тогдашнюю московскую кулинарную новинку – вафельный торт. Его все любили и он обладал уникальным среди тор-тов свойством – хранился несколько месяцев при обычной температуре.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В ВОЛЖСКОМ. Декабрь 1987

11 декабря 1987, 17:00. Скорый поезд № 4 Москва – Волгоград, плацкартный вагон 4, место верхнее, 30. На вокзал меня провожал Паша.

Еду уже два с половиной часа. Закончились посадочные процедуры: сдали билеты проводнице (один дед после горилки потерял билет в своих бесчисленных захламлённых карманах), получили бельё (очень неважное – грязные одеяла, полотенца из простыней, а вагон чистенький), разнесли чай, перекусили.

Еду по пути своей любимой тёти Дины. Вот так же, в конце августа, так же в плацкартном вагоне, правда ещё и на боковом месте (август же), она ехала в свой последний раз из Москвы в Волгоград. А 5 декабря её не стало.

Смотрела она тогда в окно – и тот же пейзаж, с учётом времени года, пробегал назад.

Она приезжала к нам регулярно – внести разнообразие в свою жизнь, чуть-чуть вздохнуть, приобщиться к более благополучной жизни, получить маленькие душевные радости. Нам она также привозила «радости» – ведро вишнёвого варенья и другие дары из своего сада.

Её почти ежегодные приезды сопровождали всей нашей жизни, сначала на медленном подъёме, потом в установившемся режиме, а потом в начале медленного спуска: мы тоже постарели и приезды приносили ей всё меньший запас радости, но все-таки приносили. Вот только не знаю про последний её приезд. Возможно, она чувствовала, что видит свою сестру («бабу Таню») в последний раз.

Приезжала она к нам в Луховицы, потом в Загорск (как ей нравились берёзы и молодые ёлочки вокруг домов ещё не выросшего посёлка), потом много-много раз в Москву.

В своей любви к красоте (а жизнь упорно противилась и ставила одно за другим препятствия) она и нам несла посильные украшения жизни.

Собираясь сейчас в поездку, я то и дело соприкасалась с её подарками: вот на балконе стоит ведро с гроздью рябины (в нём привозилось то самое вишнёвое варенье); на кухне, на полочке, целая коллекция подарочных спичек (Гжель, Кремль и так далее). А вот два красных перчика (солонка и перечница), а вот гроздь зелёного винограда, как живая: маленькая Маришка не раз пробовала его на вкус. А вот и кружка Валерию, а вот и набор эмалированных чашечек с блюдечками и с рисунком, сделанных в Волгограде.

Её интересовали все и всё: и Маечка Орлов, и Лида с Лёвой Артёменковы, и Эра с Ольгой. Только последние разы не удавалось ей с ними встречаться. Маечка взял и ушёл навсегда ещё раньше неё. А Ольга (дочь Эры) не пришла в последний её визит к Эре. Эра встречала Дину хорошо и Дина осталась довольной. Повезла она туда и мою маму, на такси. Еле-еле доехали, но все были рады.

Валерий сейчас в командировке. Что-то судьба испытывает меня на самостоятельность: уже не первый раз события происходят в его отсутствие (дед, Павел Васильевич, умер тоже без него – и его вызывали срочно из Степногорска).

Вот и сейчас. Вернусь к его приезду.

Давно я не ездила в плацкартном. Народ (когда не затрагивают его личные интересы) в основной массе добродушнее, добрее и проще по сравнению с моей обычной средой.

Вечером, накануне отъезда, приходила Лида, давала дельные советы. Она часто ездит в командировки и умеет создавать там себе посильный комфорт.

Спасибо, что посоветовала взять олимпийский костюм: в общем вагоне, да на верхней полке, без него было бы действительно неудобно.

Рязань. Первая остановка. Есенин. Спасибо за конференцию и экскурсию в Константиново.

Один пассажир в нашем вагоне показывал карточные фокусы, потом организовал игру в «дурачка» с бабулями, везущими из Москвы продукты. Из разговоров попутчиц узнала, как проверить пуховый платок – будет он потом лезть или нет. А вот как: поднять платок за волоски и если он держит свой вес и пушинки не выдёргиваются, значит и лезть не будет.

В Волгограде меня встретила на вокзале Светлана на такси. Долго, через плотину (20 километров), ехали до улицы Пионерской, дом 10. Теперь уже никогда не напишу на этот адрес. Сколько поздравительных открыток с каждым праздником приносил в подъезд этого уютно расположенного дома почтальон. Каждый раз соприкосновение с тётей Диной обдавало теплом, спокойствием, уверенностью, лаской и уютом.

С лестничной площадки нас приветствовал радостный детский голос: «Баба Рита».

Это маленькая Лидочка вышла с Нелей нас встречать. Обнялись, поцеловались.

Вошла. Осмотрелась: уютная квартирка, чистенькая, только белыми простынями завешен сервант со множеством забавных фигурок. Почти все знакомые, многие из Москвы.

Во всём чувствовалось родное: тяга к красоте, максимально реализованная по средствам, аккуратное отношение к каждой вещи – привычка людей с долгой трудной судьбой.

Комната угловая, метров в 20 квадратных, весь день солнце: то в окно, то в балконную дверь, штапельные занавески с ярко оранжевыми колосьями («Это тётя Таня подшила, когда приезжала лет 20 назад», сказала Неля), ковёр над раскладным диваном (подарок Нели и Вовы к 70-летию), рисунок местный, по бокам два кресла-кровати (старые, не дала выбросить – вон сколько гостей можно уложить). Только редко они бывали – слишком поздно появилась у неё возможность принимать гостей.

Ещё два кресла, покрытые полосатым: ярко-красным с зелёным. Письменный стол, шкаф с книгами, на нём чёрно-белый телевизор (сейчас рядом, в синей вазе букет алых гвоздик из Москвы).

У стены, напротив дивана, тот самый сервант с фигурками, слева от входа шкаф (не ДСП), за ним – кровать: в изголовье лампа (любила читать), в ногах торшер, рядом комод (не ДСП).

Умерла она 5 декабря, в субботу, после второго инсульта, похоронили во вторник. На похоронах я не была (не сообщили, боялись за тётю Таню – выдержит ли это известие). Они так любили друг друга и всю жизнь прошли рядом и в горести и в радости, хоть и не всегда жили близко.

Я приехала накануне поминок «девятого дня» (это было 13 декабря).

Неля сразу посадила меня за столик на кухне, где они со Светланой варили к завтрашнему дню кутью, борщ, готовили рыбу под маринадом, гуляш, пюре, овощи для салата, компот. Очень щедро. Мясо – парное, с рынка, рыба – живая, прудовая, приправы – свои: консервированные помидоры, огурцы, перец с укропом в томатном соку.

Дорога оказалась тяжелее, чем я думала (как ехала бедная тётя Дина на поезде № 101, это 26 часов дороги, в августовскую жару, на боковой полке?) В поезде я почти не ела и не пила. И сейчас, попав в тяжёлую минуту, но в родную, добрую атмосферу, я залпом выпила кружку сока «Нелиного» консервированного ассорти, с аппетитом съела два куска сазана, запила чаем, приняла душ. В этот вечер я мало помогала, а с утра подключилась, как могла. Во всяком случае, очень старалась.

Утром в 9 часов пришёл Вова и мы на такси поехали на кладбище. День был ветреный, земля ровная – степь, слегка припорошена снегом. Кладбище кажется голым – деревья растут здесь плохо, бесконечные однообразные стелы. Могилка на самом краю, по счёту – около 19000, последний ряд, холмик. Четыре железных венка: от Нели и Вовы, от Светы и от москвичей (это постаралась Неля, спасибо ей). Света зарыла в холмик гребешок, насыпала могилку кутьёй, разложила печенье, конфеты. Постояли и пошли – и сразу же стайка воробьёв оживила холмик. Неля с Вовой заказали памятник, он будет готов в январе.

Дальше, за кладбищем, где теперь три близкие могилки – Аллочки, Лидочки и тётя Дины – находится садовый участок Нели. Дача, где тётя Дина двадцать с лишним лет каждую весну-лето выращивала «любскую» вишню, абрикосы, сливы, яблоки. В это ненормальное лето, слишком дождливое, поднялись грунтовые воды и залили весь сад. Погибла клубника и косточковые. Неля говорит, что как только они с Вовой увидели это, всё оборвалось внутри и она, не думая, стала черпать грунтовую воду и выливать её рядом, пока Вова не остановил. Что делать? Привезти земли? Продать? Купить новую?

Вернулись с кладбища быстро, на том же такси и стали разогревать и накрывать на стол. Света, как заводная, ни на минуту за все эти дни не присела: ходила в магазин, готовила, мыла посуду, полы, выбрасывала мусор.

Начали подходить подружки тёти Дины и соседи. Самая близкая, бухгалтер, долго и неторопливо рассказывала, как они вместе работали в Собесе, как гуляли в скверике напротив (берёзки, сосенки), как Евдокия Алексеевна звала её чтобы испечь что-нибудь вкусненькое (продукты в холодильнике были всегда) и как потом они вместе ужинали и беседовали. Мы жалели друг друга, говорит она, старались не огорчать. Если у кого неприятность и помочь нельзя, то смолчим. Жизнь научила этой мудрости.

Пришла Шурочка – это практически «четвертая дочка», сказала мне Неля. Шурочка моложе Нели, только что вышла на льготную пенсию. Всегда в отсутствие тёти Дины поливала у неё цветы. Живёт в этом же подъезде. Пришла Люся – Лидина подруга. Она – первая помощница все эти долгие годы после смерти Лиды (то есть с 1976).

Пришли ещё старушки, не такие близкие. Потом все разошлись.

Стали подходить Нелины «девчонки». С ними она ещё в молодости начинала работать в детском саду, 33 года назад. Бывшая заведующая детским садом, а теперь пенсионер, а заведующая теперь – сама Неля (она тоже через 4 года выйдет на пенсию). Крепко дружат и помогают друг другу.

Посидели, помянули, поговорили и разошлись.

Все это время Лидочка, Аэлитина дочка трёх с половиной лет, кумир Вовы и Нели, находилась здесь. Тётя Дина называла её «Лидок – мой медок» и души в ней не чаяла и черпала душевную радость, отдавая все силы на уход за ней, пока родители, Аэлита и Женя, учились в Саратовской консерватории.

Пока не было Вовы, Лидочку не было слышно. Она играла с резиновым гномиком, внимательно и долго рассматривала книжку «Белая сказка», оценила и надела платице от Маришки. Книги любит осмысленно. Говорит очень хорошо, чисто, фразы строит по взрослому содержательные, голос мощный. Очень хорошо танцует – на диване импровизировала сложные балетные комбинации. С появлением дяди Вовы наступила разрядка: с ним у неё сразу началась шумная возня.

Я впервые увидела (и это продолжалось во время всего моего пребывания в Волжском), что такое «не чаять души». Такой всепоглощающей любви, как у Вовы к Лидочке, я не встречала. Вова её одевает, кормит – лучше Нели. Лидочка родителей видит мало: сначала они учились в другом городе, а с этого сентября начали работать в Волгоградской филармонии. Дорога – два часа в один конец. Днём репетиции, вечером концерты.

Изредка происходят «Встречи на Эльбе» (по выражению Нели). Как, например, сейчас. В половине десятого раздался звонок (это накануне «девятого дня»). С радостным криком: «Родители приехали» Лидочка бросилась в объятия замученных, замёрзших и голодных родителей. Бурное одевание под аккомпанемент советов и споров (что и как одевать) старших и младших. Наконец взбудораженного ребёнка Вова увозит к себе – а родители уходят к себе, несмотря на законное требование ребёнка: «Хочу к себе домой».

13-го декабря Аэлита и Женя приехали поздно, уставшие. Женя поел, а Аэлита почти нет, разговор не получился.

Завтра – выходной и ребёнка, наконец, увезли домой.

В день моего отъезда с утра мы посетили молодых. Нас ждали. Прибрали (всё лишнее – в углы и накрыли) – благо, что вещей почти нет. Квартиру Неля с Вовой им отремонтировали: чисто, не захламлено. В большой комнате стоит пианино «Ласточка», угол с детскими игрушками, куча (выглядывают футляры от скрипок), в маленькой комнате стоит кровать – «стадион для двух сельдей» (по словам Нели).

Аэлита и Женя оба очень тонкие, стройные. Лидочка со своей мамой немного поиграла, они попели детские песенки. Аэлита исполнила экзаменационную вещь, аккомпанировал Женя. Потом они исполнили дуэт Баха для скрипок, который перерос в трио: Лидочка «аккомпанировала» на пианино и оторвать её было невозможно.

Женя очень любит дочь и делает всё: готовит, стирает, ходит в поликлинику, читает книжки, играет с ней на пианино, а Аэлита его только ругает. Внешне Лидочка очень похожа на Нелю.

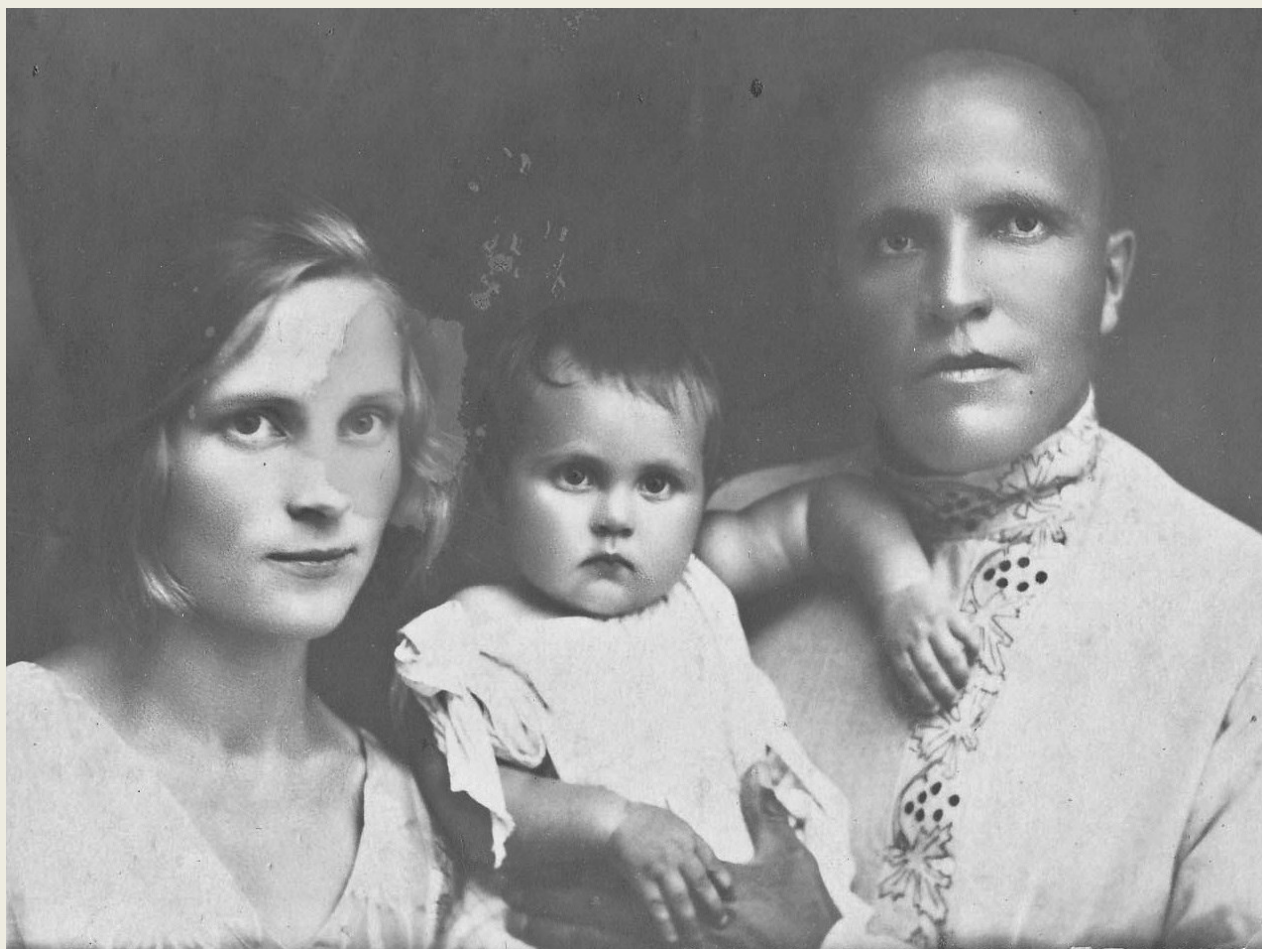
До отхода поезда остаётся час. Провожала Неля. Они со Светой тащили (до такси и до поезда) тяжёлую сумку с банками: две 3-литровых с овощным «ассорти», одну 3-литровую, тяжёлую, с абрикосовым вареньем, две 2-литровые с абрикосовым и клубничным вареньем и одну литровую с клубничным, жидким. Разве они отпустят без подарков?

На вокзале оставили Свету с вещами, а Неля провела меня через площадь к Волге. Слева плотина, на том берегу, в туманной дымке, Волжский. Водохранилище не замёрзло. Парит на морозце.

В кондитерской купили ватрушку (ассортимент тот же, что и в Москве, только нет чёрного хлеба). Вот час подошёл к концу, протащились с вещами вдоль всего состава (наш со Светой вагон в самом конце, уже платформа кончилась). Поезд №1, вагон 14К, место нижнее. Еду назад вместе со Светланой.

Оставили на перроне несчастную, плачущую Нелю.

Ночью в поезде я впервые за последние дни поспала.

ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ. ЧАШКА. 1926

Самое-самое первое моё воспоминание – разбитая чашка.

Помню, что в комнате очень светло и я достаточно уверенно иду по деревянному полу к маме и папе. Они сидят на диванчике, прижавшись друг к другу, очень счастливые, и меня притягивает исходящие от них тепло и сияние радости.

По дороге мне попадается табурет, на нём стоит очень интересный предмет. Это – фарфоровая чаша, скорее всего подаренная папой маме по какому-нибудь случаю, может быть ко дню рождения.

Я беру в обе руки чашку и несу маме.

«Ой, ой, – радостно-испуганно восклицает мама. – Поставь её на место, а то уронишь».

Папа, весело смеясь, уверенным голосом командует мне: «Бей!»

У меня в голове идёт напряжённая борьба за выбор решения, указания слишком противоречивы.

Отчётливо понимаю, что разбить нехорошо, даже нельзя. Но побеждает присутствие какой-то непреодолимой силы в папином голосе и я со всего размаху бью чашку о пол.

Она разлетается на мелкие осколки.

Папа очень доволен, он весело смеётся. А мама хоть и улыбается, но с оттенком сожаления и говорит папе: «Ну зачем же ты так, не надо было».

Папа очень весело говорит: «Молодец!» (это мне), а маме (радостно-уверенно): «Купим ещё лучше, и не одну».

Я же думаю как мама: «Зачем он так сказал? Ведь нехорошо».

Говорить тогда я ещё не умела, но думать уже могла. Мне было, по-видимому, годик с небольшим.

В памяти об этом времени осталось ощущение света, тепла и покоя.

